

Научная статья
УДК 94(470.3)

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-6-1745-1759>

Либеральные юристы Российской империи во второй половине XIX века в воспоминаниях современников

Данил Вячеславович Рыбин

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
199178, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, 10-я линия В.О., 19, лит. А
danilarybin@rambler.ru

Актуальность. Рассмотрена история легалистского движения через мемуарные источники. Цель исследования – на основе мемуарной литературы выявить внутренние связи, группы, сложившиеся внутри либеральной юриспруденции Российской империи, определить элементы легалистской идеологии на основании воспоминаний и дневников.

Материалы и методы. Значительная часть воспоминаний и дневников опубликованы. Это облегчает задачи исследователя. Привлечение архивных источников (рукописный отдел Российской национальной библиотеки, Российский государственный архив литературы и искусства, Государственный архив Российской Федерации, рукописный отдел Российской государственной библиотеки) вкпе с печатными изданиями позволяет сличить разнородные данные и прийти к общим выводам. Использование проблемно-хронологического метода и метода сравнения позволяют провести этот анализ.

Результаты исследования. Под легалистами понимается объединение либеральных сановников Российской империи, преимущественно выходцев из судебного корпуса, и ученых-юристов. Идеологию легалистов можно определить, как консервативный либерализм, а их вдохновителем был известный ученый Б.Н. Чичерин. В 1860-е гг. сформировалась устойчивая группа юристов, которая была кровно заинтересована в развитии в России законности и правопорядка («люди правового порядка»). Через мемуары мы видим, как они выступали в момент реформ, как институализировались в 1870-е гг., как приняли активное участие в реформах 1878–1881 гг., как пытались отстоять основы строя, созданного Александром II, как боролись с традиционализмом в 1890-е гг.

Выводы. В мемуарной литературе отражены настроения легалистов, которые, несмотря на постоянные поражения, не унывали и с оптимизмом смотрели в будущее. Они исходили из того, что Россия является частью мирового процесса и в ней в свое время наступит «всё то, что есть в Европе».

Ключевые слова: А.Ф. Кони, Б.Н. Чичерин, М.М. Ковалевский, либеральные легалисты, консервативный либерализм, мемуары, правовой порядок

Благодарности и финансирование. О финансировании исследования не сообщалось.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Рыбин Д.В. Либеральные юристы Российской империи во второй половине XIX века в воспоминаниях современников // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 29. № 6. С. 1745-1759. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-6-1745-1759>

Original article
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-6-1745-1759>

Liberal lawyers of the Russian Empire in the second half of the 19th century in the memoirs of contemporaries

Danil V. Rybin

All-Russian State University of Justice
litera A, 19 10th line of Vasil'evskii Ostrov St., Saint Petersburg, 199178, Russian Federation
danilarybin@rambler.ru

Importance. The study examines the history of the legalist movement through memoir sources. The purpose of the study is, on the basis of memoir literature, to identify internal connections and groups that have developed within the liberal jurisprudence of the Russian Empire, to identify elements of legalist ideology based on memoirs and diaries.

Materials and Methods. A significant part of the memoirs and diaries have been published. This makes the researcher's tasks easier. The use of archival sources (manuscript department of the Russian National Library, Russian State Archive of Literature and Art, State Archive of the Russian Federation, manuscript department of the Russian State Library) together with printed publications allows us to compare disparate data and come to common conclusions. The use of the problem-chronological method and the comparison method allow this analysis to be carried out.

Results and Discussion. Legalists are an association of liberal dignitaries of the Russian Empire, mainly from the judiciary and legal scholars. The ideology of the legalists can be defined as conservative liberalism, and their inspiration was the famous scientist B.N. Chicherin. In the 1860s, a stable group of lawyers was formed that was vitally interested in the development of law and order in Russia ("people of legal order"). Through memoirs we see how they acted at the time of reforms, how they became institutionalized in the 1870s, how they took an active part in the reforms of 1878–1881, how they tried to defend the foundations of the system created by Alexander II, how they fought against traditionalism in the 1890s years.

Conclusion. The memoirs reflect the sentiments of the legalists, who, despite constant defeats, did not lose heart and were optimistic about the future. They proceeded from the fact that Russia is part of the world process and in due time "everything that exists in Europe" will come to it.

Keywords: A.F. Koni, B.N. Chicherin, M.M. Kovalevsky, liberal legalists, conservative liberalism, memoirs, legal order

Acknowledgments and Funding. No funding was reported for this research.

Conflict of Interests. The author declares no conflict of interests.

For citation: Rybin, D.V. (2024). Liberal lawyers of the Russian Empire in the second half of the 19th century in the memoirs of contemporaries. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* = *Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 29, no. 6, pp. 1745-1759. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-6-1745-1759>

АКТУАЛЬНОСТЬ

Среди исторических источников по движению либеральных легалистов¹ важнейшее место принадлежит источникам личного происхождения. В их число входят мемуары, дневники, воспоминания, записки. Лидеры либеральных юристов были высокообразованными людьми, стремились объяснить и оправдать свои действия перед потомками. Их оппоненты из либерального лагеря или из противоположных групп (консерваторы, социалисты) также оставляли свои отзывы и оценки о лидерах легализма. В научной литературе легализм как единое движение не получил освещения [1]. Так как зачастую легалисты не оформляли свои организации, а отводили приоритет личным связям, воспоминания являются для нас важнейшими источниками об их деятельности, помогающими лучше понять сущность движения. В нашей выборке мы анализируем комплекс мемуарной литературы, но объем работы, ограниченный требованиями к публикации, не позволяет осветить все точки зрения на движение либеральных юристов.

Общественные и политические деятели второй половины XIX – начала XX века пережили и были участниками важнейших исторических событий, происходивших в России в рассматриваемый период. В этой связи вполне объяснимо их желание через некоторое время написать мемуары, в которых они «проливали свет» на события, людей, а также в меру своих сил восполняли пробелы в историческом полотне эпохи «освободительного движения». Иными словами, у общественных и политических деятелей той эпохи была ярко выраженная потребность оглянуться на пройденный путь, осмыслить пережитое,

¹ Под либеральными легалистами понимается объединение либеральных сановников Российской империи второй половины XIX – начала XX века, преимущественно выходцев из судебного корпуса и ученых-юристов (часто эти статусы совпадали). В основе их мировоззрения лежали идеи европейского либерализма. Идеологию легалистов можно определить, как консервативный либерализм, а их идейным вдохновителем был известный ученый-юрист Б.Н. Чичерин.

чтобы все недосказанное не осталось с ними. По этим и другим причинам мы располагаем довольно внушительным списком воспоминаний современников по легалистскому движению.

Вместе с тем был и противоположный подход к воспоминаниям у некоторых ярких личностей рассматриваемой эпохи. Например, М.Т. Лорис-Меликов, отошедший от политических дел, уничтожил значительную часть своих записок и воспоминаний в 1886 г. Для историка представляется важной, наш взгляд, аргументация М.Т. Лорис-Меликовым своего поступка, так как подчеркивает особенность источников личного происхождения. Последний сообщал, что уничтожение воспоминаний было связано с тем, «что за последнее время я получил какое-то отвращение к мемуарам, запискам и разным воспоминаниям». Далее М.Т. Лорис-Меликов заострял внимание, что издания такого рода «расплодилось во множестве и обратились в какой-то шантаж и самообеление»².

Понимая относительность сведений, содержащихся в личных источниках, мы, тем не менее, подвергли их разбору. Воспоминаний, затрагивающих легализм, насчитывается более ста. Все из них разобрать невозможно из-за большого объема, и мы решили остановиться только на тех, в которых история легализма отражается в наиболее яркой форме.

В большинстве случаев (за редким исключением) историки составляли краткую аннотацию к публикуемым мемуарам (особенно часто такие аннотации известны по трудам В.К. Соловьева, В.М. Шевырина, В.В. Шелохаева и других исследователей). Наиболее интересные аналитические работы опубликовали В.М. Шевырин³ и П.И. Шлемин [2], подробно изучившие мемуарную литературу К.К. Арсеньева и М.М. Ковалевского. Также можно выделить рецензии, статьи по воспоминаниям М.М. Ковалевского. Это работы

² Ковалевский М.М. Конституция графа Лорис-Меликова и его частные письма. Берлин, 1904. С. 23.

³ Из воспоминаний Мак. М. Ковалевского «Моя жизнь» / сост. В.М. Шевырин // История СССР. 1969. № 4. С. 59-79; № 5. С. 76-100.

А.Х. Матиевой, Д.И. Антонова, А.Л. Юрганова [3; 4]. Дневник госсекретаря А.А. Половцова проанализирован в публикации Л.Г. Захаровой [5].

В настоящее время мы имеем специализированное исследование по мемуарам – диссертацию Н.В. Россель о работах Б.Н. Чичерина (1998). В ней ученый, используя личные документы Б.Н. Чичерина, предприняла, удачную, на наш взгляд, попытку проследить эволюцию Бориса Николаевича от либерального консерватизма к консервативному либерализму⁴. Отдельно стоит выделить статьи специалистов к воспоминаниям и дневникам легалистов, опубликованных в разное время. В их числе предисловие С.В. Бахрушина (1929) к воспоминаниям Б.Н. Чичерина, где он определял его как бюрократического либерала [6, с. 9-17]; биографический очерк

П. Зайончковского для дневников Д.А. Милютин (1947)⁵; статья О.Ю. Голечковой (и ее монография), С.В. Куликова, К.А. Соловьева к дневникам А.А. Половцова [8; 9, с. 7-25], статья Н.Б. Хайловой (биография) и Ю.С. Воробьевой (археография) к воспоминаниям М.М. Ковалевского [10, с. 3-44].

Большой пласт рассуждений и идей о мемуарной литературе либералов содержится в диссертации⁶ и монографии А.Н. Егорова [11].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В основу исследования был положен принципы научной объективности. Применяется проблемно-хронологический метод и метод сравнения. Значительная часть воспоминаний и дневников опубликована. Это облегчает задачи исследователя. Активно привлекались архивные материалы: рукописный

отдел РНБ (фонд 283, оп. 1, д. 4, воспоминания А.А. Жижиленко), РГАЛИ (фонд 40, оп. 1, д. 14, 23–40, воспоминания и дневники К.К. Арсеньева), ГАРФ (фонд 887, оп. 1, д. 4; д. 5; д. 7, дневники П.А. Гейдена), рукописный отдел РГБ (фонд 667, картон 7, д. 18, воспоминания А.А. Сабурова) и пр.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Б.Н. Чичерин. Основателем легализма как течения мы смело можем считать Б.Н. Чичерина. Именно его труды оказали решающее влияние на российских юристов вплоть до 1917 г. Чичерин оставил обширные воспоминания, хранящиеся в ГА РФ, которые были относительно недавно опубликованы. Для нас они особенно ценны своей подробностью, обстоятельностью и тем, что в них непосредственно показано само зарождение консервативного либерализма в России.

Приведем дословно часть письма, написанного Б.Н. Чичериным его брату Владимиру в столицу 11 октября 1861 г. «Ты желаешь, чтобы я подробнее развил тебе свое выражение: «либеральные меры и сильная власть». Оно не случайно попало мне под перо. По моему мнению, оно должно быть лозунгом правительственно-либерального или, если хочешь, консервативно-либерального мнения в России. Это мнение едва зарождается. При невозможности печатно обсуждать наши внутренние вопросы, при том разгаре страстей, который возбужден освобождением крестьян, образование его встречает почти непреодолимые трудности. Тем не менее, либеральное мнение в России положительно раздваивается, хотя люди, которые ничего в этом не понимают, всех нас крестят названием красных... Особенно в Москве есть зерно людей, которые так уже и прозваны государственниками. В настоящее время первая наша потребность – предоставление обществу значительной доли самостоятельности. Без этого жить нельзя... Общество почувствовало свою самостоятельность и никогда уже не возвратится к тому полному подчинению, какое бывало в прежние време-

⁴ Россель Н.В. Общественно-политические взгляды и деятельность Б.Н. Чичерина по его мемуарам и трудам (у истоков российского либерализма): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 1998. 32 с.

⁵ Милютин Д.А. Дневник Д.А. Милютин. Т. 1. М., 1947. С. 5-72.

⁶ Егоров А.Н. Отечественная историография Российского либерализма начала XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Череповец, 2010. 48 с.

на русской истории... Правительство само всего делать не может. А покорные орудия сами ничего делать не в состоянии. Отсюда необходимость либеральных мер по всем отраслям общественной жизни. Надобно, чтобы везде человеку была предоставлена свободная сфера деятельности... Но, чтобы все это сделать совершенно безвредным, надобно, чтобы над всем этим господствовала сильная власть, которая всегда была бы готова сдерживать непокорных. Закон должен быть широк, но исполнение его должно быть строгое и неперемное. Уверенность в неперменном наказании – лучшее ограничение свободы... Только не надо смешивать сильной власти, сохраняющей возвышенное свое положение, с мелочным вмешательством во всякие дрязги...» [7, с. 19-22]. В тот момент идея консервативного либерализма была чрезвычайно популярна в высших органах власти. Чичерин везде получал «зеленый свет».

Б.Н. Чичерин описывал, как ему приходилось отстаивать свои идеи охранительного либерализма, с каким трудом они принимались российской интеллигенцией. Также профессор критично оценивал поверхностный либерализм министров царя, с которыми был лично знаком. Их либерализм был конъюнктурным, политическим (отдельные случаи, например, Н.А. Милютин и его брат Д.А. Милютин ученый считал исключением) [7, с. 51-54, 84-86, 279-282, 287-289, 294, 304-307, 311].

С консервативных позиций Б.Н. Чичерин выступал после убийства царя-освободителя. Он считал, что введение конституции преждевременно из-за незрелости народа, но в то же время предлагал расширить Госсовет до органа, похожего на предпарламент. Только постепенная эволюционная модернизация общества приведет всех к победе либерализма. Здесь Чичерин уподоблял себя идеальному «английскому консерватору» (умеренному либералу), эволюционисту [7, с. 298-303, 319]. Благодаря воспоминаниям мы выясняем, что охранительство Б.Н. Чичерина было всего лишь преддверием наступления либерализма. Консервативный поворот с 1881 г.

вызвал отрицательную реакцию Б.Н. Чичерина, и он был выброшен из политики. Но своим либеральным идеалам не изменил.

Стоит мельком отметить, что Б.Н. Чичерин, подходя к людям со своими высокими этическими установками, оценивал большинство из них критично. Мы мало найдем положительных образов. Как следствие, постепенно ученый несколько развился в мизантропа и удалился в свою деревню Караул, где и прожил финальную часть жизни.

Имело место некоторая конкуренция между идеологами легалистского мнения. Небольшую информацию о столкновении Б.Н. Чичерина и Ковалевского мы находим в воспоминаниях отставного московского профессора. Причина конфликта не касалась основ либеральной идеологии, а возникла из-за мелкой причины. Так или иначе, впоследствии Чичерин крайне невысоко оценивал Ковалевского и отзывался о нем презрительно [7, с. 244-246].

В своих воспоминаниях Б.Н. Чичерин ставит основные вопросы, волновавшие умеренных либералов в последующие годы: университетские свободы, вопрос о статусе Польши, свобода личности на суде, готовность русского общества к реформам, введение конституции и парламента, еврейский вопрос и пр. Оценки современной Б.Н. Чичерину реальности необычайно ясны и точны, его прогнозы будущего России подтверждались.

Е.Н. Трубецкой в год смерти ученого написал статью о Б.Н. Чичерине, где попытался определить значение этой талантливой и многогранной личности в философии, государственном и общественной жизни Российской империи. Е.Н. Трубецкой отмечал энциклопедическую широту знаний Б.Н. Чичерина. Более того, по его мнению, Б.Н. Чичерин превосходил всех своих современников. В российской философии идеалистического направления Е.Н. Трубецкой отводил Б.Н. Чичерину «роль патриарха, старейшего представителя»⁷, а так-

⁷ Трубецкой Е.Н. Борис Николаевич Чичерин, как поборник правды в праве // Вестник права: журнал Юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете. Спб., 1904. № 3 (март). С. 1.

же признавал его одним из корифеев современного ему государственного управления

Определяя историческое значение личности Б.Н. Чичерина, Е.Н. Трубецкой писал, что он представлял собой «целое общественное знамя» и его устами «говорил голос общественной совести»⁸. В своей статье Е.Н. Трубецкой необыкновенно высоко оценивал личность Б.Н. Чичерина и его влияние на умы российских юристов и общественно-политическую жизнь Российской империи. Трубецкой отмечал, что Б.Н. Чичерин воспитал несколько поколений юристов-государствоведов не только как университетский профессор и ученый, но и как общественный деятель (гражданин). Е.Н. Трубецкой подчеркивал, что Б.Н. Чичерин «учил не только лекциями и печатными произведениями, но и всей своей жизнью, всем своим нравственным обликом»⁹. Е.Н. Трубецкой, характеризуя личные качества Б.Н. Чичерина, использовал такие эпитеты, как «человек, вылитый из стали», «непоколебимая стойкость и мужество воли», «нравственный авторитет» и пр.¹⁰

Д.А. Милютин. Значительный научный интерес представляют дневники Д.А. Милютина. В 1878–1881 гг. он был одним из лидеров либеральных реформаторов. Убийство царя поставило его и других министров в неловкое положение, так как волна реформ находилась на подъеме, и они опасались за их развитие. Д.А. Милютин так описывал в дневниках момент перелома этой волны. 8 марта 1881 г. было назначено заседание Совета министров под председательством нового императора Александра III. Цель совещания – обсуждение заключения секретной комиссии, которое было предварительно одобрено еще Александром II. Суть заключения состояла в обширной программе реформ, разработку которых предполагалось возложить на особую комиссию с участием пред-

ставителей земств¹¹. После того как граф Лорис-Меликов прочитал журнал секретной комиссии, Александр III предложил обсудить предложенные инициативы. Первым выступил граф С.Г. Строганов, который «увидел» в программе законодательных инициатив «призраки революции, конституции и всяких бед». Л.С. Маков также отговаривал императора от предложенного проекта реформ, пугая их последствиями, в частности, ограничением самодержавной власти. Д.А. Милютин, описывая данное совещание, неоднократно отмечал в поведении Александр III «колебание и сомнение», заметное сочувствие к ультраконсервативной речи старого реакционера (С.Г. Строганова)¹². Отстаивая необходимость реформ, Д.А. Милютин обращал внимание императора и участников совещания, что они нужны для завершения великих реформ Александра II. При этом Д.А. Милютин напомнил, что почти все предыдущие реформы разрабатывались при содействии земства, и это обстоятельство не имело никаких негативных последствий. Министр финансов А.А. Абаза парировал выпад Л.С. Макова, подчеркнув, что совместная деятельность над новыми реформами, напротив, укрепит и поддержит авторитет правительства. Дальше всех в критике программы реформ пошел К.П. Победоносцев, который и вовсе назвал великие реформы Александра II преступной ошибкой! При этом Д.А. Милютин охарактеризовал речь К.П. Победоносцева, как отрицание всего, что составляет основу европейской цивилизации. Тем самым Д.А. Милютин определил мировоззренческий водораздел между реформаторами и реакционной партией. Далее изложили свое мнение князь С.Н. Урусов, Д.Н. Набоков, А. Сабуров, Д.М. Сольский, князь А.А. Ливен – все они поддержали программу реформ, одобренную перед своей смертью Александром II. Д.А. Милютин обращал внимание в своих дневниках, что Д.М. Сольский на этом совещании высказал «смелую

⁸ Трубецкой Е.Н. Борис Николаевич Чичерин, как поборник правды в праве. С. 2.

⁹ Там же. С. 4.

¹⁰ Там же. С. 4-6.

¹¹ Милютин Д.А. Дневник 1873–1882: в 2 т. М., 2016. Т. 2. С. 369.

¹² Там же. С. 370, 371.

мысль», что армия чиновников представляет собой менее твердую опору самодержавия, чем представители всех сословий населения. Перед принятием окончательного решения Александр III предоставил слово своим дядьям и брату. Великий князь Константин Николаевич ожидаемо высказался в пользу программы реформ империи, а великие князья Владимир Александрович и Михаил Николаевич в общих фразах заявили о необходимости «сделать «что-нибудь», не оставляя Россию в недоумении»¹³. Итогом совещания стало решение Александра III пересмотреть предложение графа Лорис-Меликова в особом совещании. Д.А. Милютин отразил в дневниках эмоциональное состояние представителей «либеральной партии» после совещания: «...мы вышли из зала в угнетенном настроении духа и нервном раздражении»¹⁴.

Такое компромиссное решение императора стало прологом к отмене реформ, предложенных либеральными легалистами во главе с Лорис-Меликовым. Д.А. Милютин отмечал, что слова Александра II, сказанные им за несколько часов до трагической гибели («Я дал свое согласие на это представление, хотя и не скрываю от себя, что мы идем по пути к конституции»), глубоко запали, по его мнению, в мысли молодым царевичам (Александру Александровичу и Владимиру Александровичу) и подготовили их к восприятию «ретроградных теорий Победоносцева, Каткова и компании»¹⁵. Д.А. Милютин в дневнике обращал внимание, что ключевую роль в консервативном лагере играл К.П. Победоносцев, который «злоупотреблял авторитетом старого учителя перед бывшим учеником», «бомбардировал государя пошлыми записками с глупыми советами»¹⁶.

Через короткое время либеральные чиновники вышли в отставку или были переведены на второстепенные посты.

Представляет интерес характеристика Д.А. Милютиным великого князя Константина Николаевича. Д.А. Милютин позитивно высказывался о великом князе Константине, который много лет был председателем Государственного совета. Д.А. Милютин писал, что он был умелым и твердым руководителем, который с настойчивостью проводил, наперекор ретроградской оппозиции, «всякую благоую меру в смысле легальности и прогресса»¹⁷. Несколько иначе Д.А. Милютин отзывался еще об одном своем товарище – легалисте А.А. Сабурове. Д.А. Милютин отмечал, что это был хороший, доброжелательный и честный человек, однако, по его мнению, ему не получится долго удержаться на своем посту, а тем более без поддержки графа Лорис-Меликова. Кроме того, Д.А. Милютин в дневнике записал, что о А.А. Сабурове говорят, что у него слабый характер¹⁸. Такие же характеристики Сабурову давал Б.Н. Чичерин. В воспоминаниях А.А. Сабурова даются характеристики многих видных деятелей легализма. Сами воспоминания не опубликованы. Из них мы узнаем, что в 1861 г. молодые легалисты предприняли первую политическую акцию – направили царю адрес с просьбой вернуться в столицу¹⁹.

В.А. Арцимович оказал немалое влияние на ход реформ 1860-х гг. В 1904 г. вышли воспоминания об Арцимовиче, выполненные друзьями и легалистами «второго поколения». Книга открывалась кратким очерком А.Ф. Кони, работавшем под началом сенатора в зрелые годы. В.А. Арцимовича он оценивал, как личность, наделенную благородным характером. В описании В.Д. Спасовича деятельности В.А. Арцимовича в Польше мы видим, что он был тесно связан личными и политическими узами с крупными либералами: в. к. Константином Николаевичем и Н.А. Милютиным. Тем не менее,

¹³ Милютин Д.А. Дневник 1873–1882. Т. 2. С. 370, 371.

¹⁴ Там же. С. 373.

¹⁵ Там же. С. 401-402.

¹⁶ Там же. С. 377.

¹⁷ Там же. С. 381.

¹⁸ Там же. С. 289, 348.

¹⁹ ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Ф. 667. Картон 7. Ед. хр. 18. С. 4-16.

вскоре отношения между двумя единомышленниками расстроились. Разрыв был связан не с их общими идеями, а с разницей в отношении к польскому национализму со стороны Арцимовича (поляка) и Милютин (русского). Д.А. Милютин, продолжая крестьянскую реформу, в Польше действовал как радикальный либерал с уклоном в диктатуру, В.А. Арцимович же проповедовал примат законности. Так, впервые обозначился двойной подход либералов России к реформаторству – последовательная эволюция или радикальная перестройка. Здесь в будущем пролегла граница между двумя течениями либерализма.

В числе заслуг все авторы, знавшие В.А. Арцимовича, ставили ему проведение судебной реформы в Царстве Польском. В конечном счете, бесконечные конфликты с Д.А. Милютиным закончились отставкой В.А. Арцимовича²⁰.

А.Ф. Кони. Отдельный большой блок мемуаров был посвящен личности негласного лидера легализма – А.Ф. Кони.

Так, в 1915 г. московский судья в отставке Н.В. Давыдов (друг сенатора), основываясь на первых томах «На жизненном пути», постарался рассмотреть особенности жизни Кони. Автор указывал, что читатель «Жизненного пути» увидит идеального шестидесятника – гуманного, справедливого и т. д. Н.В. Давыдов верно подмечал, что А.Ф. Кони принципиально не менялся и оставался верным либеральному гуманизму в рамках судебных уставов 1864 г. Н.В. Давыдов, не читавший писем А.Ф. Кони, не мог знать, что юрист относился к либерализму отрицательно, считая его только политическим движением. Однако деятельность А.Ф. Кони носила явно либеральный характер²¹.

²⁰ Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания. Характеристики. Спб., 1904. С. 639-656, 673-693, 699-719.

²¹ Давыдов Н.В. Анатолий Федорович Кони // Русская мысль. Кн. 8. 1913. С. 81-96; Давыдов Н. Пятидесятилетие деятельности А.Ф. Кони // Русская ведомость. 1915. 30 сент. С. 4.

В 1915 г. вышла статья одесского юриста Бориса Соломоновича Вальбе, посвященная биографическим очеркам Кони. С одной стороны, Б.С. Вальбе отдавал должное А.Ф. Кони и подчеркивал его достижения. С другой стороны, он подчеркивал, что А.Ф. Кони принадлежит прошлой эпохе, XIX веку. «Старый утопист» живет той эпохой, всем говорит о ней, говорит слова, «большинству ставшие непонятными». Его слова – это как милые воспоминания о былом доиндустриальном обществе. Труды А.Ф. Кони – это панегирик, где стираются конфликты и разногласия. А.Ф. Кони дидактичен. В своих трудах А.Ф. Кони рисует образ морального героя, образца. Его герои как бы действуют вне социального контекста. А.Ф. Кони создавал образы реформаторов, при этом общую социальную картину он игнорировал. Интеллектуальные особенности людей его мало интересовали, ему были важны психолого-этические аспекты личности. Он тщательно искал и выделял «добрые чувства». Переживал из-за распада моральных ценностей, верил, что это явление носит временный характер. И (по Кони) возрождение морали грядет²². Здесь Б.С. Вальбе неосознанно нарисовал образ легалиста-идеалиста, характерного для многих представителей этого движения. Ибо такими же чертами можно было наделить философа князя Евгения Трубецкого или публициста Константина Арсеньева.

В качестве взвешенной публикации можно привести статью коллеги А.Ф. Кони – Н.А. Чебышева, бывшего сенатора. Приверженность закону и правосудию сближала характеры двух судей. Н.А. Чебышев отмечал, что суд в России долгое время заменял парламент, в нем и блистал наш гуманист. А.Ф. Кони не успел создать техническую школу юристов, но зато «дал нам корпоративную этику». А.Ф. Кони – кодификатор судебной этики! Таким заявлени-

²² Вальбе Б.С. Анатолий Федорович Кони, литературный портретист // Известия Одесского библиографического общества при Императорском Новороссийском университете. Одесса: Центральная типография С. Розенштрауха, 1915. Вып. 5-6. С. 253-266.

ем Н.А. Чебышев подчеркнул важный факт, что А.Ф. Кони не просто разрабатывал этику, он был идеологом судебного сословия. Архивные материалы подтверждают тот факт, что А.Ф. Кони энергично отстаивал групповые интересы судебного корпуса в конце XIX – начале XX века²³.

Современники А.Ф. Кони так и не смогли выйти из эмоционального состояния в оценках деятельности А.Ф. Кони. Почти все их работы отражали отдельные аспекты личности юриста. Стоит также отметить, что сам А.Ф. Кони написал воспоминания о почти всех легалистах первого и второго поколений. Полный перечень его мемуаров о ведущих юристах фактически представляет из себя полный список руководителей движения.

Интерес представляют опубликованные воспоминания видного московского легалиста, друга А.Ф. Кони и Л.Н. Толстого – **В.Н. Давыдова**. Так, в его ценных мемуарах мы находим упоминание о кружке С.А. Муромцева, который собирал в начале 1870-х гг. молодых профессоров и студентов на политические и правовые дебаты. Он отмечал, что все 1870-е гг. молодежь находилась под обаянием реформ и рвалась к прогрессу. Давыдов подчеркивал, что судебное чиновничество, появившись, сразу же обособилось от другого чиновничества и оказалось связанным законностью, которая обуславливала его существование. Тем самым, автор косвенно указал, что судебное сословие стало питательной средой для роста либеральных, легалистских устремлений у юристов империи. Далее В.Н. Давыдов рисует судебное сообщество с энтузиазмом, устремившееся в правовое будущее. Рассказывая о провинциальных юристах, он показывает расширение и рост групп, поддерживающих идеи законности и правопорядка. Большую роль в своих описаниях автор отводил личности С.Н. Трубецкого – идеального ученого, по представлению В.Н. Давыдова. Также он описал роль

²³ Чебышев Н. А.Ф. Кони (из воспоминаний) // Возрождение. 1927. 2 окт. С. 4-5.

М.Н. Лопатина по внедрению судебных уставов в Москве²⁴.

О кружковой деятельности легалистов мы находим подробную информацию в воспоминаниях А.А. Жижиленко о Д.В. Стасове. Кружки Д.В. Стасова были своего рода бульоном, в котором варились молодые юристы – будущие легальные либералы: К.К. Арсеньев, А.А. Книрим, В.Д. Спасович, Б.И. Утин и др. Велись протоколы кружков. Впоследствии некоторые из участников этих собраний создавали новые кружки²⁵.

Неопубликованная автобиография **К.К. Арсеньева**²⁶ содержит массу полезной информации о низовой деятельности легалистов и их организаций. Так мы узнаем о деятельности молодежных юридических кружков и обществ во второй половине XIX века (биография заканчивается 1901 г.). Получаем информацию о выступлении легалистов в 1861 г. (дело об адресе императору), пропаганде идей Б.Н. Чичерина среди молодежи, проектах переустройства России, обсуждавшихся в юридическом сообществе, системе взаимных связей между группами единомышленников, участии легалистов в подготовке к новой серии реформ в 1879–1881 гг. К.К. Арсеньев, как и его ближайшие соратники, искренне переживал все перипетии истории «Святых» уставов 1864 г.

Воспоминания К.К. Арсеньева (как и А.Ф. Кони) дают нам представление о том, что большая часть легалистов были близкими друзьями, переживали друг за друга, заботились и поддерживали товарищей, финансировали и совершали прочие коллективные действия. При этом все они были талантливые и индивидуалистичные. Иначе говоря, они объединялись между собой наподобие союза взрослых, уважающих друг друга друзей. Такие сообщества характеризуются горизонтальными связями. Это при-

²⁴ Давыдов Н.В. Из прошлого. М., 1913. С. 100-108, 137-139; Давыдов Н.В. Из прошлого. Ч. 2. М., 1917. С. 81-88, 100-137, 159-171.

²⁵ РО РНБ (Рукописный отдел Российской национальной библиотеки). Ф. 283. Ед. хр. 1. Д. 4. С. 9-17.

²⁶ РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства). Ф. 40. Ед. хр. 1. Д. 14.

давало их объединениям непрочный характер, но, с другой стороны, существовали глубокие межличностные связи, удерживающие их вместе. Иерархия существовала, но основывалась исключительно на степени уважения, проистекающей из личного вклада индивида в общее дело (построения либерального этического общества). Местный юрист, неизвестный в России, из Перми или Одессы, мог быть чуть ниже общего уровня признания, а Чичерин, Кони, Сабуров, Таганцев или Милютин могли за счет своего авторитета, проистекающего из вклада в создание правового государства, существенно возвышаться над остальными единомышленниками. Например, любые споры коллег могли быть прерваны мнением лидеров, которые высказывали его крайне неохотно, стараясь избежать персональной ответственности за политические решения.

С.А. Муромцев. Важную роль в либеральном движении играл С.А. Муромцев. После его кончины вышла серия воспоминаний, где общественные деятели вспоминали о его роли в освободительном движении. В том числе П.Н. Милюков упомянул об участии С.А. Муромцева в разработке проекта Конституции 1880 г. Судя по имеющимся данным, П.Н. Милюков имел доступ к обширной переписке С.А. Муромцева и мог точно оценить эволюцию юриста. В его изложении воспоминания о С.А. Муромцеве превратились в подробную биографию. Молодой профессор (Муромцев) поддался новому ожиданию реформ в конце правления Александра II и фактически политизировал возглавляемое им Московское юридическое общество. Захваченный политическим брожением и сопротивлявшийся, как мог, реакции, Муромцев потерял профессорство в 1884 г. и вынужден был перейти в адвокатуру.

С.А. Муромцев почувствовал перелом общественных настроений в 1891 г. и возобновление социальной активности, включился в нее. Вернулся в профессуру, стал городским и земским гласным. При этом он подвергался давлению. Был закрыт Юридиче-

ский вестник (редактором которого он был) и Московское юридическое общество²⁷.

Большой интерес представляют интересные рассуждения А.А. Кизеваттера о личности С.А. Муромцева. Историк вслед за А.Ф. Кони прямо заявляет о существовании «людей правового порядка», которые стремились освободить людей не с помощью террора, а легальными средствами. При этом они (со слов Кизеваттера) сознательно приносили себя в жертву, рассчитывали, что смогут сдержать государственный произвол, считали, что их борьба станет школой гражданского воспитания для населения. При этом правительство своими действиями упорно загоняло «людей правового порядка» в революционное подполье²⁸.

Бывший секретарь Московского юридического общества Н.А. Каблуков в подробных воспоминаниях описал, как это общество и сам С.А. Муромцев оказали влияние на развитие научного и общественного движения в России. В том числе, Н.А. Каблуков подробно описывал события, связанные с закрытием МЮО в 1899 г.²⁹ Легалист Н.И. Астров описывал деятельность С.А. Муромцева в Московской городской думе в 1880–1890 гг., подробно раскрывал стадии становления политика. Астров как бы показывает торжественное шествие С.А. Муромцева, увенчанное занятием поста председателя Государственной думы. Воспоминания наполнены восхищенными эпитетами. При этом стоит отметить, что С.А. Муромцев в представлении Астрова действует как бы сам по себе в безвоздушном пространстве, без связи с его сторонниками. «Одиноким героем»³⁰. Д.И. Шаховский подробно описал деятельность С.А. Муромцева в московском земстве. Особую ценность представляет информация о формировании сплоченной либеральной группы в губернском земстве на рубеже веков³¹.

²⁷ Сергей Андреевич Муромцев: сб. ст. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1911. С. 29-40.

²⁸ Там же. С. 91-115.

²⁹ Там же. С. 116-140.

³⁰ Там же. С. 158-179.

³¹ Там же. С. 180-204.

А.Д. Градовский был один из тех, кто предпринял попытку проанализировать и сопоставить понятия «консерватизм», «либерализм», «прогрессизм». В этой связи автор обращает внимание, что в современной ему России (70-е гг. XIX века) значение этих иностранных терминов мало выяснено, и они применяются вкривь и вкось. А.Д. Градовский писал, что в России принято противопоставлять термины консервативный и либеральный, что, по его мнению, представляется абсурдным [12, с. 339].

А.Д. Градовский отмечал, что на практике понятие либерал соотносится с понятием прогрессист, а абсолютист с идеей консерватора только из-за исторических причин. Ученый подчеркивал, что либеральные государственные учреждения Западной Европы создавались в Новое время, в виде противоположности учреждениям старого порядка, построенного на началах абсолютизма. Однако, по мнению Градовского, данная связь между либерализмом и прогрессивным направлением уже начала прерываться в современной ему Западной Европе. Так, либеральная партия стала выступать в качестве консервативного элемента, противопоставляя себя социалистам, которые выступали за государственное вмешательство.

Ученый обращал внимание, что если либерализм противопоставляется абсолютизму и системе государственной опеки (гувернаментализму), то консерватизм противопоставляется прогрессивному направлению. Однако, по мнению А.Д. Градовского, либерал может быть консерватором, а сторонник государственной опеки может быть прогрессистом.

По А.Д. Градовскому, консерватор старается связать прошедшее с настоящим, а прогрессист считает необходимым объединить настоящее с будущим. Однако ученый подчеркивал, что и консерватор, и прогрессист сходны в том, что они оба прочно стоят на почве исторического развития народа.

А.Д. Градовский четко разграничивал консерватора от реакционера и прогрессиста от революционера. Первое он объяснял тем, что консерватор проникнут убеждением к

историческим началам национальных учреждений, в то же время он понимает необходимость их развития, соответственно, видоизменения этих учреждений. Ученый подчеркивал, что консерватор хранит старину, но в пределах требования настоящего; а реакционер, наоборот, живет стариной, не признавая никаких требований настоящего. Вторую пару А.Д. Градовский называл «кажущимися братьями», но отмечал, что прогрессист и революционер – это братья от разных родителей. Ученый писал, что прогрессист смело идет навстречу будущему, с определенным багажом из прошедшего и настоящего. Кроме того, прогрессист, как считал А.Д. Градовский, порождение времени, когда равновесие поступательных и охранительных сил в обществе достигает возможной полноты. Революционера ученый описывал, как порождение общества, застывшего в своих формах, утратившего нравственную власть над умами и душами миллионов людей, и т. д. [12, с. 340-345].

М.М. Ковалевский. В 1917 г. вышел сборник статей-воспоминаний о личности М.М. Ковалевского. Друзья с восторгом вспоминали о радостных моментах общения с крупным ученым. Стоит отметить, что они упоминали о его научном противостоянии с Б.Н. Чичериным, но тщательно избегали его комментировать³². В том же году один из его учеников Аркадий Фатеев выпустил воспоминания об учителе. Он указывал, что М.М. Ковалевский был кантианцем (правовым этиком), англоманом (проецировал английскую модель на Россию), позитивистом. Фатеев выделял профессорские либеральные группы в Московском университете, других вузах³³.

В 1910-е гг. Максим Максимович написал свои мемуары, известные под названием «Моя жизнь». Он заявлял, что изначально

³² М.М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин: сб. ст. Пг.: Архив. заведение т-ва А.Ф. Маркс, 1917. С. 19-30, 121.

³³ Фатеев А. Максим Ковалевский (к годовщине смерти). Харьков: Тип. «Печ. дело», 1917. С. 48-52, 59-61.

писать их не собирался, что, написав их, субъективен, и его информация носит относительный характер. Молодой ученый попал в 1877 г. в быстро развивающуюся интеллектуальную среду Московского университета, в сплоченную группу профессоров-единомышленников, активно стремящихся к реформированию государства. Причем, как подчеркивал М.М. Ковалевский, московские профессора переживали за продолжение либеральных реформ. Мемуарист подробно рассказывал о деятельности московских интеллигентских кружков от умеренных до радикальных [10, с. 202-204, 207-216, 220, 221, 223-234].

В 1910 г. в Петербурге вышли воспоминания близкого друга М.М. Ковалевского, легалиста и экономиста **И.И. Янжула**. В них он рассказывал о видных легалистах, своей инспекторской деятельности в 1880-е гг., контактах либералов с правительством (с Плеве)³⁴.

В.А. Маклаков. Консервативный либерал В.А. Маклаков, вспоминая 1870–80-е гг., писал, что в это время исчезло все – и либеральное самодержавие Александра II, и либеральные государственные люди, и «подпольная» революция. Он подчеркивал, что «все было задушено или замерло на наших глазах»³⁵. В то же время В.А. Маклаков, на наш взгляд, очень удачно характеризовал переживания шестидесятников (современников и участников «великих реформ Александра II»), которые в эпоху контрреформ Александра III тосковали по ушедшим временам. Эти наблюдения В.А. Маклакова позволяют исследователю понять и проследить эволюцию взглядов либералов по отношению к институту монархии и ее потенциалу к самореформированию в сторону конституционной монархии. В частности, В.А. Маклаков

писал: «Но 60-е потому и оставили такой след в душе и истории, что самодержавие тогда показало себя на высоте такого призвания»³⁶. Для того чтобы поставить Россию в 60-х гг. на путь европейских демократий, нужно было самодержавие. Тогдашний правящий класс этих реформ не хотел. Самодержавная власть провела их против его воли. В Государственном Совете реформы 1860-х гг. поддерживало лишь меньшинство. «Самодержавие было нужно, чтобы мирным путем эгоистическое сопротивление дворян сломить»³⁷. Поэтому, по мнению В.А. Маклакова, 1860-е гг., которые так превозносил либерализм, были торжеством не только его представителей, но и торжеством самого самодержавия.

А вот царствование Александра III, по мнению В.А. Маклакова, поставило страну на путь позднейшей катастрофы и оказалось роковым для России. Эту эпоху он называл «эпохой застоя»³⁸. В.А. Маклаков отмечал, что политика Александра III велась под флагом исправления произведенных реформ, а либеральному меньшинству оставалось только защищать их от искажения. В этой связи представляет особый интерес вывод В.А. Маклакова, который писал, что либеральное общество стало консервативным, ибо защищало то, что уже было, отстаивало существующие позиции против реакционных актов; оно понимало, что нужны не эффективные нападения, а неблагодарная борьба на «позициях»³⁹. Возможно, что такие наблюдения В.А. Маклакова внесут некоторую ясность в дискуссию в научной литературе об эволюции взглядов Б.Н. Чичерина (от консервативного либерализма к либеральному консерватизму или наоборот).

Поворотным рубежом в отношении либерального лагеря к самодержавию (монархии) стало правление Николая II. В.А. Маклаков обращал внимание, что от Николая II в начале царствования не ждали конституцию,

³⁴ Воспоминания И.И. Янжула о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. Выпуск первый. Спб., 1910; Выпуск второй. Спб., 1911.

³⁵ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника): в 3 ч.: Прил. к журн. «Иллюстрированная Россия» на 1936 г. Париж: Журн. «Ил. Россия», 1936. Ч. 1. С. 6-7.

³⁶ Там же. С. 11.

³⁷ Там же. С. 11.

³⁸ Там же. С. 5, 13.

³⁹ Там же. С. 26.

а ждали только прекращения реакции, возвращения линии шестидесятых годов и возобновления либеральной программы. Однако после речи Николая II 17 января 1895 г., обращенной к земским депутатам, в которой император в контексте участия земств во внутреннем управлении сказал о «бессмысленных мечтаниях» и своем намерении «охранять начало самодержавия», был «перейден Рубикон». После этого, по мнению В.А. Маклакова, мысль об эволюции самодержавия стала считаться утопией; стала создаваться новая идеология либерализма, нацеленная на непримиримую войну с самодержавием⁴⁰.

Отдельную группу источников составляют дневники легалистов. В целом ряде дневников информация о деятельности легалистских организаций представлена фрагментарно. Авторы в бытовых описаниях периодически вкрапляют упоминания о тех или иных коллективных действиях юристов и их соратников. К таковым относятся дневники А.А. Половцова [8], П.А. Гейдена⁴¹, Н.М. Акимова⁴², Н.П. Карабчевского⁴³ и пр.

В других же дневниках, напротив, мы находим ценные данные, которые необходимы для реконструкции связей между представителями высшей российской бюрократии и либеральной интеллигенции.

Так, в дневниках государственного секретаря А.А. Половцова, умеренного либерала, мы найдем много нелестных характеристик в адрес консервативных министров и высших сановников: И.Л. Горемыкина, И.Н. Дурново, Н.И. Бобрикова, в.к. Сергея Александровича. И хотя в большинстве своем характеристики он дает уничижительные и вы-

смеивающие, в ряде случаев сановники награждаются положительными эпитетами. И в каждом случае это либеральные чиновники. Например, И.Я. Голубев, сенатор и член Государственного Совета [9, с. 26-37].

Большой интерес представляют неопубликованные дневники **К.К. Арсеньева**, одного из лидеров движения. Константин Константинович оставил обширные записи с 1866 по 1919 г. (17 дел). Дневники уникальны по количеству событий и лиц, вовлеченных в них. Записи погружают нас в атмосферу либеральной интеллигенции Петербурга. Благодаря дневникам мы можем установить даты заседаний легалистских организаций, частично реконструировать ежедневное расписание лидеров легализма, в том числе Кони, Арсеньева, Спасовича и др. Лидеров легализма, они же друзья К.К. Арсеньева, автор оценивал в положительных или восхищенных выражениях. Константин Константинович вел учет количества заседаний легалистских организаций, описывал совместные обеды лидеров легализма, подробно анализировал выборы в руководство столичной адвокатуры⁴⁴.

Отдельно стоит выделить воспоминания детей легалистов. Они, как правило, не оценивали легализм, а только писали о своих родителях, хором утверждая, что политика их погубила. Это воспоминания С.Ф. Плевако⁴⁵, С.Д. Шипова⁴⁶, Е.П. Ковалевского⁴⁷. Так, из воспоминаний Е.П. Ковалевского мы узнаем, что его дядя был тесно связан с А.Ф. Кони, А.А. Половцовым и В.А. Арцимовичем, получаем дополнительную информацию о масштабных ревизиях 1880–1881 гг., являющихся прологом новых либеральных реформ (не состоявшихся). Но в целом все воспоминания близких родственников грешат односторонностью, идеализацией.

⁴⁰ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника): в 3 ч.: Прил. к журн. «Иллюстрированная Россия» на 1936 г. Париж: Журн. «Ил. Россия», 1936. Ч. 1. С. 134, 137, 138.

⁴¹ ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 887. Оп. 1. Ед. хр. 1; Ед. хр. 4; Ед. хр. 5; Ед. хр. 7.

⁴² РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1615. Оп. 1. Ед. хр. 44-46.

⁴³ ГА РФ. Ф. 827. Оп. 1. Ед. хр. 1; Ед. хр. 2.

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 40. Ед. хр. 1. Д. 23-40.

⁴⁵ Плевако С.Ф. Последние годы жизни Ф.Н. Плевако (из воспоминаний). Н. Новгород, 2013. 92 с.

⁴⁶ ОР РГБ. Ф. 440. Картон 10. Ед. хр. 2.

⁴⁷ Ковалевский Е.П. Воспоминания о М.Е. Ковалевском. Спб., 1912.

ВЫВОДЫ

Несмотря на справедливое утверждение М.М. Ковалевского, что воспоминания являются сомнительным источником, на наш взгляд, они важны для определения размеров легалистского движения. А оно, судя по мемуарам, никогда не было массовым, а всегда клубным, кружковым, собранием близких друзей и единомышленников. Воспоминания дают нам ценную информацию о деятельности общественных организаций легалистов, переломных событиях, работе юристов в местном самоуправлении, их конфликтах между собой и с другими политическими группами, формировании их идеологии и пр. В

целом мемуарная литература позволяет раскрыть новые аспекты освободительного движения в России на рубеже веков.

Данные из ряда воспоминаний подтверждаются другими источниками – письмами, в которых мы видим, какие связи существовали между разными юристами, какие кружки/общества (и как) функционировали; данными полицейских отчетов, в которых кружковая деятельность подробно описывалась, и прочими документами. Авторы мемуаров, конечно, приукрашивали реальность, но напрямую врать не могли, не будучи в этом уличены, а они, необходимо сказать, очень гордились своей «этичностью» и подчеркивали свою порядочность.

Список источников

1. Рыбин Д.В. Идеология движения либеральных легалистов и теория консервативного легализма // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. № 2. С. 304-316. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.201>, <https://elibrary.ru/lpcaeр>
2. Шлемин П.И. Дневник К.К. Арсеньева // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 312-322.
3. Матиева А.Х. М.М. Ковалевский и его современники // Вопросы истории. 2001. № 3. С. 135-143.
4. Антонов Д.И., Юрганов А.Л. Ковалевский М.М. Моя жизнь: воспоминания. М.: РОССПЭН, 2005. 784 с. // Отечественные архивы. 2006. № 2. С. 114-118. <https://elibrary.ru/hrulil>
5. Захарова Л.Г. Дневник государственного секретаря А.А. Половцова // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 177-179. <https://elibrary.ru/xprwol>
6. Чичерин Б.Н. Воспоминания: в 2 т. М.: Изд. им. Собашиных, 2010. Т. 1. 496 с. <https://elibrary.ru/qprfav>
7. Чичерин Б.Н. Воспоминания: в 2 т. М.: Изд. им. Собашиных, 2010. Т. 2. 528 с. <https://elibrary.ru/qprfbf>
8. Голечкова О.Ю. Бюрократ его величества в отставке: А.А. Половцов и его круг в конце XIX – начале XX века. М.: АИРО-XXI, 2015. 188 с.
9. Половцов А.А. Дневник государственного секретаря: в 2 т. М.: Моск. тип., 2022. Т. 1. 880 с. <https://elibrary.ru/qpbxрj>
10. Ковалевский М.М. Моя жизнь: Воспоминания. М.: РОССПЭН, 2005. 784 с. <https://elibrary.ru/qpbgid>
11. Егоров А.Н. Очерки историографии Российского либерализма конца XIX – первой четверти XX века (дореволюционный и советский периоды). Череповец: Изд-во ЧГУ, 2007. 275 с. <https://elibrary.ru/qpfxbt>
12. Градовский А.Д. Что такое консерватизм? // Трудные годы (1876–1880). Очерки и опыты / сост. С.С. Секиринский. М.: РОССПЭН, 2010. С. 339-345. <https://elibrary.ru/qrojtt>

References

1. Rybin D.V. (2023). Ideology of the movement of liberal legalists and the theory of conservative liberalism. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya = Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 68, no. 2, pp. 304-316. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.201>, <https://elibrary.ru/lpcaeр>
2. Shlemin P.I. (1978). K.K. Arsen'ev's diary. *Archaeographic Yearbook for 1977*. Moscow, pp. 312-322. (In Russ.)
3. Matieva A.Kh. (2001). M.M. Kovalevskii and his contemporaries. *Voprosy istorii*, no. 3, pp. 135-143. (In Russ.)

4. Antonov D.I., Yurganov A.L. (2006). Kovalevskii M.M. My life: Memoirs. Moscow: ROSSPEHN, 2005. 784 p. *Otechestvennye arkhivy*, no. 2, pp. 114-118. (In Russ.) <https://elibrary.ru/hrulil>
5. Zakharova L.G. (1968). Diary of the state secretary A.A. Polovtsov. *Voprosy istorii*, no. 5, pp. 177-179. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xprwol>
6. Chicherin B.N. (2010). *Memoirs: in 2 vols.* Moscow, Sobashnikovyykh Publ., vol. 1, 496 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qprfav>
7. Chicherin B.N. (2010). *Memoirs: in 2 vols.* Moscow, Sobashnikovyykh Publ., vol. 2, 528 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qprfbf>
8. Golechkova O.Yu. (2015). *His Majesty's Retired Bureaucrat: A.A. Polovtsov and His Circle in the Late 19th – Early 20th Century.* Moscow, AIRO-XXI Publ., 188 p. (In Russ.)
9. Polovtsov A.A. (2022). *Diary of the Secretary of State: in 2 vols.* Moscow, Moskovskaya tipografiya Publ., vol. 1, 880 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qpbxpx>
10. Kovalevskii M.M. (2005). *My Life: Memoirs.* Moscow, ROSSPEHN Publ., 784 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qpbgid>
11. Egorov A.N. (2007). *Essays of Historiography of Russian Liberalism of the Late 19th – First Quarter of the 20th Century (Pre-revolutionary and Soviet Periods).* Cherepovets, ChSU Publ., 275 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qpfbxt>
12. Gradovskii A.D. (2010). What is conservatism? *Difficult Years (1876–1880). Essays and Experiences.* Moscow, ROSSPEHN Publ., pp. 339-345. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qrojtj>

Информация об авторе

Рыбин Данил Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, директор, Санкт-Петербургский институт (филиал) «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0003-4851-2235>
danilarybin@rambler.ru

Поступила в редакцию 05.03.2024

Получена после доработки 18.10.2024

Принята к публикации 22.11.2024

Information about the author

Danil V. Rybin, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Theory and History of State and Law Department, Director, Saint Petersburg Institute (Branch) “All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)”, St. Petersburg, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0003-4851-2235>
danilarybin@rambler.ru

Received 05.03.2024

Revised 18.10.2024

Accepted 22.11.2024